

ФИЛОСОФСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье проанализированы теоретико-методологические подходы к определению философской природы политической экономии. Рассмотрены перспективы развития отечественной науки в исследовании трансформации мировоззрения человека в эпоху экономической рационализации социокультурной реальности.

Ключевые слова: *экономическая рационализация, метафизика экономики.*

Анализ последних исследований и публикаций. В современной отечественной экономической науке осуществлен анализ метафизической сущности экономического знания. В научных работах В.М. Гейца, А.А. Чухно, А.И. Амоши, Л.И. Абалкина, Ю.М. Осипова, В.В. Ильина исследуются соотношения между экономической теорией, философией экономики, показаны новые горизонты трансформации мировоззрения человека в эпоху экономической рационализации социокультурной реальности.

Целью статьи является разработка теоретико-методологических основ анализа философской природы политической экономии.

Результаты исследования. Для современной философии все более важным и значительным становится стремление сопоставить абстракции, категории, систему размышлений и обоснований с самим человеком – мыслящим, чувствующим, познающим, действующим – в целостности всех его ипостасей и проявлений. Эта тенденция все больше обнаруживает себя в теории познания и эпистемологии, где реализуется стремление поиска новых путей и подходов, желание обогатить понятийный аппарат и уточнить сам статус этой фундаментальной области философского знания.

Данная ситуация непосредственно экстраполируется на экономическую теорию, что нашло конкретное воплощение в поисках соответствующего *методологического инструментария*. Благодаря ему возникают все новые и новые экономические дискурсы, которые в соединении с теми или иными философскими концептами демонстрируют качественно другие попытки объяснения экономической реальности, а тем самым становится возможным выявление иной гносеологической позиции, все более и более актуализируемой *на приоритете субъекта познания*.

Проблема кроется в выходе за рамки традиционной теории познания, «*нормативной*» или «*законодательной*». Она «эксплицирует» связи и смыслы, регулирующие «образы познавательных формаций с точки зрения того, какими эти последние *должны быть*». Уже эпоха Нового времени (Модерна) предъявляет требование иного гносеологического подхода к созданию действительной, «органической» теории познания. Ее центральным звеном является *человек познающий*. То есть задача состоит в преодолении классических, «просветительских» образцов познавательной деятельности, ее «теоретизма». Все больше осознается, что там, где человек *присутствует*, он всегда *значимый* и не может быть элиминирован без следствий для видения и раскрытия самого процесса познания или события.

Попытки обращения к *целостному познающему человеку* часто связаны с разочарованием в логицизме, с желанием преодолеть предельные абстракции и теоретические спекуляции по отношению к познанию и субъекту. Возникает вопрос: что происходит сегодня, отражает ли стремление к реальному человеку и живому знанию очередные *разочарования в рациональности*, отождествляемые с *логицизмом и отвлеченно-гносеологическим подходом*, стремлением соединить *трансцендентальный субъект и конкретную субъективность*, как это было в начале XX в.? Или пришло время, когда обращение к целостному человеку в его жизнедеятельности осознается как главное условие современной философии познания? Отвлечение от *эмпирического субъекта* (сегодня это «экономический человек») приводит к опустошению реального процесса деятельности, в частности познавательной, а значит, познающему человеку, как и раньше, со времен *Р. Декарта* и его «метода универсального сомнения», не доверя-

ют, считая его эгоистическим «Я». Он творит своеобразный «произвол», поскольку имеет разум, отягощенный разного рода «идолами» (предрассудками), интересами и преимуществами выбора. Мышление реального человека, эмпирического по представлениям классической рациональности, не отвечает идеалу «чистого разума», для которого мир «прозрачный» и «постижимый».

Важно то, что *эмпирический субъект* выступает *квинтэссенцией* любого экономического исследования. Масштабы экономического познания обусловили резкое увеличение масштабов экономического образования, исследовательской деятельности и, соответственно, потока научных публикаций. Одновременно утверждались новые методологические ориентиры в экономической познавательной деятельности, основанные на идеях *неопозитивизма*. Это вызвало переориентацию *экономико-методологической рефлексии*. Не выходя за общие, обычные рамки дискуссии о предмете и методе науки, внимание ученых сосредоточилось главным образом на проблеме *демаркации*: от «чистой теории» требовалась чрезвычайная логическая строгость; от эмпирического знания – надежное (проверяемое) соответствие данным опыта; от науки в целом – наличие четких правил *перевода с языка теории на язык наблюдения и наоборот*. Последнее условие оказалось особенно жестким для экономической науки. В результате наличие разных критериев научности для разных компонентов знания дало толчок к усилению разрыва между теоретическим и эмпирическим знанием.

Стремление философии восстановить в правах эмпирический субъект – целостного, познающего человека, – по-иному ставит саму проблему доверия к нему. Она не сводится к достоверному отношению, но предусматривает в целом объективные возможности и разнообразные способы получения достоверного знания, а также «презумпцию направленности познания к истине» (*Б. Пружинин*) и «ответственное мышление» (*М. Бахтин*). Длительная история скептицизма не только подвергается сомнению, но однозначно усиливает доверие к субъекту, поскольку его разум «не дремлет», а скептическое расположение духа к собственным результатам познания делает «замечательную прививку от интеллектуального яда» (*И. Ланшин*) и «великой иронии» над самоуверенностью, «тупым педантизмом догматиков».

В экономической теории стремление преодолеть догматизм наиболее ярко проявилось в формировании и становлении новых методологических подходов. Характерно, что данный процесс происходил в парадигме исследований и дискуссий «*философии науки*». Задача заключалась, как уже говорилось выше, в преодолении расхождения методологических установок на рационалистическом и эмпирическом полюсах. Один полюс притяжения – «*чистая теория*», которая эпистемологически опиралась на рационализм в его разных проявлениях (от эмпиризма *Л. Мизеса* до абстрактного формализма «теории общего равновесия»), в отличие от *Л. Вальраса* и *Дж. Хикса*, у которых математические модели служили способом описания действительности (пусть и в абстрактной форме). Позже *теория общего равновесия* (*Ж. Дебре* и др.) переосмысливается в свете тогдашней математической моды как чисто формальная математическая конструкция, теоретические достоинства которой не зависят от ее возможных эмпирических интерпретаций. Ориентиром стала не просто изысканная математизация, но сознательная формализация ею теоретических моделей.

В качестве второго полюса выступила *эконометрика* – область исследований, в наибольшей мере отвечавшая методологическим нормам *неопозитивизма*. Здесь широкое распространение получила противоположная тенденция – ограничение самостоятельного значения теоретических моделей вообще. Теории практически уравнивались с рабочими гипотезами, считаясь ценными лишь постольку, поскольку они способствовали получению тех или иных эмпирических результатов.

Обсуждение данных вопросов самими экономистами совпало по времени с важными изменениями в западной философии вообще и «философии науки» в частности. Само соединение этих факторов определило дальнейшее развитие экономической методологии. Общим вектором изменений стало постепенное ослабление неопозитивистского ригоризма в трактовании научного знания, «размывании» демаркационной линии, отделявшей науку от других форм человеческого знания, в частности философского. Ключевая роль в таком переосмыслении принадлежала *постпозитивизму* *Т. Куна* и *И. Лакатоса*.

Более важной оказалась концепция *И. Лакатоса*, идеи которого с 70-х годов XX в. начали осваивать экономисты. Влияние *И. Лакатоса* на экономическую методологию обусловле-

но рядом обстоятельств. Во-первых, он пошел дальше *Т. Куна* в сближении собственно научного знания и его основоположной метафизики – прежде всего философского знания. Если у *Т. Куна* роль парадигмы в научной деятельности *была* скорее пассивной, то у *И. Лакатоса* эквивалент парадигмы – твердое ядро научно-исследовательской программы – займет центральное место в составе самой научно-исследовательской программы, главной единицы анализа научных знаний. Во-вторых, в отличие от *Т. Куна*, *И. Лакатос* исходил из положения, что в одной научной дисциплине могут сосуществовать разные конкурирующие между собой теории. То есть одни и те же факты или факты, относящиеся к одной и той же предметной области, могут обуславливать разные теоретические положения, в равной степени претендующие на истинность и потому признанные в качестве научных.

В результате под влиянием *И. Лакатоса* направленность экономико-методологических исследований существенно изменилась. Вместо обычных размышлений о *предмете* и *методе*, *операциональности* и *верификации* на передний план вышли исследования, в которых существующие научные школы, традиции и теории стали переосмысливаться в качестве научно-исследовательских программ или парадигм; зарождение и эволюция таких программ подвергались историко-методологической реконструкции, оценивалась их научная «прогрессивность». В результате сблизилась экономико-методологические, историко-научные и философские исследования: философско-методологические концепции начали использоваться для объяснения логики развития экономической мысли, а *экономическая теория превратилась в своего рода полигон для проверки методологических гипотез*. Философия вооружила исследователя теоретическими инструментами для анализа научно-экономических знаний.

Знание не сводится лишь к результатам познания, но является продуктом определенной культурно-исторической ассимиляции этих результатов, «вписывания» новой информации в систему цивилизации. Знание характеризуется перекрещиванием процессов познания и осознания истины. Оно неотъемлемо от сознания. Ведь способ, которым существует знание, определяется сознанием. Таким самым способом конституируется и наука как развитая форма знания.

Метод является категориальной характеристикой науки. Он есть равно необходимым как на пути поиска истины, так и ее осознания в контексте знания. Это обстоятельство и делает обязательной трансформацию метода в методологическое сознание, которое высвечивает специфику науки и как способа познания, и как социального института, что включает систему оценок и принятие научных утверждений.

Включение философского инструментария в экономическое познание выдвинуло и актуализировало существующие в экономической теории проблемы, которые были *вне внимания* традиционных методологических подходов. Возникла необходимость рассматривать экономическую теорию, эпистемологию, «философию науки» как структурные компоненты более широкой области – *философии экономического познания*, где они сохраняют *свою абстрактно-гносеологическую, логико-методологическую природу и форму, но одновременно требуют получить экзистенциально-антропологическое, историко-метафизическое и эволюционно-эпистемологическое осмысление*. Соответственно, *здесь представлены прагматика экономического познания, его социокультурная и историческая обусловленность, включенность в коммуникации и систему ценностей, что нашло отражение в выделении таких форм знания о хозяйственной реальности и ее познании, как «философия экономики», «этическая экономия», «философия хозяйства», «институционализм» в его разных направлениях, а также стиль мышления и познание, конструкты здравого смысла, и, что не менее важно, общеметодологические принципы*.

Постановка вопроса о *«метафизике экономики»* представляет собой методологический импульс для экономической науки. Она будет способствовать преодолению распространенных иллюзий *о научном знании в целом и об экономическом в частности*, в силу чего возвращает в сферу своих интересов вопросы *онтологии* (картины экономической реальности экономического бытия). В результате возникает возможность показать активную эпистемологическую и мировоззренческую роль этого компонента научно-экономического знания и включиться в конкретную исследовательскую работу по реконструкции, критическому анализу и выявлению подобных онтологий. Такого рода методологический переход обнаруживает

«узкие» места в развитии экономических знаний и функционировании механизмов воспроизведения научного взаимодействия разных по смыслу идей, что крайне необходимо в условиях теоретического и методологического плюрализма.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Применение новых методологических подходов в экономическом познании порождает множественность собственно *когнитивных проблем*, связанных с содержательными «процедурами» понимания и интерпретации выдвижения гипотез, вместо строго логической последовательности, возможных неформальных процедур, оценок и преимуществ, требующих осмысления их когнитивной природы и функций, специального анализа этих форм, которые традиционно считались *неэкономическими*. Ученый-экономист, познающий и реально существующий *в целостности экономического знания и мышления, чувств и деятельности*, не может ограничиться абстрактной рефлексией, застывшими формами «абсолютных сущностей» и «устоявшихся истин», рассудочными нормами и правилами познания. Методология современного экономического познания, если она хочет быть соразмерна с реальным, живым знанием и познавательной деятельностью, не мыслится без проблематизации как способа осмысления и концептуализации смыслов хозяйственной жизни.

Список использованной литературы

1. Ананьин О.И. Экономическая наука в зеркале методологии / О.И. Ананьин // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 136.
2. Быстряков И.К. Метафизика экономики: реальность и виртуальность / И.К. Быстряков // Философия экономики. – К., 2002. – С. 330–331.
3. Самсин А.И. Основы философии экономики / А.И. Самсин. – М., 2003. – С. 10–12
4. Элоян М.Р. Хозяйство и религия (М. Вебер, С. Булгаков, В. Зомбарт) / М.Р. Элоян // Философия хозяйства. – 2003. – № 1 (25). – С. 133.

У статті проаналізовано теоретико-методологічні підходи до визначення філософської природи політичної економії. Розглянуто перспективи розвитку вітчизняної науки у дослідженні трансформації світогляду людини в епоху економічної раціоналізації соціокультурної реальності.

Ключові слова: *економічна раціоналізація, метафізика економіки.*

The article analyzes theoretical and methodological approaches to the definition of a philosophical nature of political economy. The prospects of development of domestic science in the study of transformation of world view of man in the era of economic rationalization of social and cultural reality.

Key words: *economic rationalization, the metaphysics of economics.*

Надійшло до редакції 25.06.2012.